

ТАТЬЯНА МИРОНОВА
доктор филологических наук

ЗАКОНЫ РУССКОГО НАРОДОПРАВСТВА

По каким законам живёт русский народ? Большинство из нас законов, принятых Госдумой, попросту не знает, отродясь их в глаза не видывало, да если бы и увидало, толку от того было бы немного, потому что разобраться в нагромождении юридических терминов и статей под силу только юристам. Но ведь без правил мы не живём, нет анархии в стране. Так по каким законам живут русские люди в России? Эти законы, диктующие нам правила и порядок жизни народа, живут в национальной памяти, в научной терминологии именуются юридическими обычаями, а в народной традиции – русским порядком, неписаными правилами жизни. Впервые на эту проблему обратило внимание этнографическое отделение Русского географического общества в середине XIX века: “Целые поколения между поселянами изживают, не зная свода законов, не обращаясь к писанным и учреждённым верховной властью законам. В кругу своих нужд и потребностей они живут своей юридической жизнью, своей правдою. Так, в сфере гражданского права они вступают между собой в разнообразные отношения: заключают сделки, меняют имущества, покупают и продают их, нанимают имущества и личные услуги, дарят, берут займы и ссуды, заключают брачные договоры, наследуют и т. д. Точно так же, независимо от писаных законов, они действуют и в сфере уголовного права. Судят виновных и карают их...” Ныне, когда законы государства Российского как никогда далеки от наших понятий о праве и справедливости, мы снова вспоминаем народные юридические обычаи – свой русский порядок жизни.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВЫШЕ ЗАКОНА

Сегодняшняя власть убеждена, что народ будет жить, подчиняясь тем законам, которые штампует Государственная Дума. Это убеждение, по меньшей мере, наивно. Законы, по которым живёт любой народ, и русские не исключение, неписанные. А всё, что придумывает власть в виде указов, законоустановлений, циркуляров, – не более, чем тонкая корочка льда на мощной стремнине народной реки. Корочка эта может постоять хрупким стёклышком, но ширь и сила народных обычаев и обрядов непременно взломают её. Вот отчего бытует в России афоризм, авторство которого приписывается М. Е. Салтыкову-Щедрину: “Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения”. Необязательность подчинения законам возникает потому, что народ не может исполнять противное его природе, то, что не

отвечает русскому национальному духу и мировоззрению, складывавшемуся веками.

Древнейшие русские юридические постановления и вся их внешняя обрядовая сторона складывались из коренных народных представлений. Рассмотрим важнейшие понятия права в русском языке, того истинно национального права, которое создано не в угоду сегодняшним потребностям олигархического капитала, а существовало тысячи лет, выражая национальное видение русского порядка. Обратим внимание на терминологию — не латинские юридические термины, а исконные русские слова, — выясним, какие законные принципы жизни в нас заложены русским языком в его коренных значениях.

Само слово **закон** имеет в своем корне *кол-* в значении возвещённого свыше божественного установления. Именно такой смысл развился у праиндоевропейского корня **kwl-*, изначально понимаемого как *трубить, возвещать*. К этому корню восходят такие разные, но на самом деле близкие слова, как *начало* и *конец*. Установленный свыше — искони — порядок жизни, именуемый законом, и философские понятия начала и конца всякого явления, происходящего по воле Божьей и по Его законам, показывают, что наши предки были мыслителями, что они понимали и чувствовали великий круг движения Вселенной, и жили, повинувшись именно высшим законам Творца, установившего этот круг, где начало и конец рано или поздно сходятся в одной точке — они в воле Всевышнего.

Представление об устоях, на которых зиждется жизнь народа, о неписанных русских народных законах, формирует слово *ряд*. Не случайно оно породило современное выражение *русский порядок*, что так раздражает сегодня инородцев, живущих рядом с нами. **Ряд** — это и управление народом, распределяющее наряды и подряды, и общественный строй — порядок, и суд с расправой, где судят-рядят. Отсюда и понятие **народные обряды** — неписанные, но ставшие законом жизни ритуальные действия. Управленец именовался *нарядчик*, *подрядчик* или *урядник*. Человек, соблюдавший установленный порядок, числился рядовым, у нас до сих пор живы эти выражения — рядовой гражданин, рядовой солдат. Общественное или деловое поручение называлось и по сей день называется *наряд*, и тем же самым словом именуется красивая, праздничная одежда — в память о том, что всякая одежда имела в древности строго ритуальный характер, и каждая её деталь служила защитным покровом для тела.

Одежда-наряд всегда являлась статусным признаком человека. Русским порядком было установлено, что человек голый, лишённый одежды, исключался из мира людей, переходил в мир животных. Причём к наготе приравнивалась и полуодетость, неполнота наряда. Вот почему голый или полуодетый человек вызывает у нас смех или чувство оскорблённости. Ведь с точки зрения нашей национальной психологии, прилюдное обнажение — нелепица и абсурд, неполнота наряда есть нарушение порядка, и мы интуитивно смеёмся над человеком, превратившимся в животное, или возмущаемся его скотским состоянием.

Наряд до сих пор содержит множество сведений о человеке, который его носит. По одежде мы всю жизнь определяли, кто перед нами: свой — русский, или чужой — инородец. Наряды мужской и женской подчинялись жёстким правилам. Ношение мужчинами женской одежды, а женщинами — мужской, как и нагота, вызывали шок. Русские обряды определяют и цвет одежды. При погребении исключается красный цвет для всех участвующих в похоронах, допускается лишь черный и белый. На свадьбах, напротив, чёрный цвет является вызовом всему обществу, оскорблением хозяев праздника. В народном костюме ритуально значимы даже детали одежды: ворот, полы, рукава. Они украшались вышивкой со священными символами жизнестойкости и плодородия — птицами, конями, цветами, свастиками. Для мужской одежды узаконены и необходимы рубашка, шапка, штаны и пояс, для женской — рубашка, пояс, фартук и юбка-понёва. Пояс, отделявший верхнюю — святую — часть тела от нижней — нечистой — также обязательная часть наряда, без которого ни в пир, ни в мир не появишься: засмеют или выгонят взашей. То есть наш русский наряд — в полной мере законная необходимость жизни. Без наряда, в котором должно быть всё в своём порядке, человек становился животным, скотиной, исключался из мира людей. Так что русский порядок начинался с одежды, но он пронизывал и регламентировал все сферы народной жизни.

Ещё одно краеугольное понятие русского порядка обозначается словом **право**. Оно соотносится с прилагательным *правый*, означающим не только правую сторону, правую руку, правую половину чего-либо, но и *прямой, простой, правильный, справедливый* путь или порядок действий. Вот и выходит, что **право** – это всё правильное и справедливое в жизни человека. От него произведено слово **правда**, а к правде на Руси особое отношение. Правду у нас называют *маткой*. На правду опирается всякий, кто надеется на Божью помощь: “*Не в силе Бог, а в правде*”, “*Правда всесильна*”, “*Деньги могут много, а правда – всё*”, “*Правда всепобеждающа*”, её не высказывают, её “режут”. А ещё – “*Правда глаза колет*”. И потому она является мерилom человеческой совести.

Почему возникло такое представление о *правом*? Учёные-лингвисты установили, что древние народы, видя в Солнце верховное божество, управляющее Вселенной, через призму солнечного движения созерцали окружающий мир. Это очевидно из совпадения понятий: левого – с северным, правого – с южным. Человек всегда обращался для молитвы лицом к востоку, откуда появлялось поутру солнце, и, следовательно, с правой руки каждый имел юг, а с левой руки – север. Свет, тепло и весна приходили с юга, то есть справа, а тьма, холод и зима являлись человеку с севера – слева. Поэтому с *правым* соединялось всё благое, прекрасное, светлое, а с левым нераздельны представления о злом, тёмном, враждебном. Такая противоположность юга и севера сочеталась в народных поверьях с правой и левой сторонами. По народному убеждению, с правой руки человека стоит добрый ангел, а с левой – злой бес. Так рождались суеверия: спать на правом боку почиталось за грех, потому что можно придавить ангела-хранителя. Вставать с постели следовало с правой ноги: встанешь с левой – весь день пройдёшь не в духе. Вот почему по сию пору ритуально вопрошают раздражённого человека: “Ты что, не с той ноги встал?”. Ещё верили в народе тому, что входящий в дом должен вступать на порог правой ногой, тогда его ждет хороший приём. Крик вещей птиц с правой руки принимался за добрую примету, а с левой – за предвестие беды. Под влиянием этих воззрений слово *правый* получило значение всего нравственно хорошего, справедливого, способного к власти и заслуженно обладающего властью, причём юридическая древность требовала, чтобы всякое право передавалось и принималось правой рукой и всякий договор скреплялся соединением правых рук. До сих пор в международной дипломатии соблюдается это правило обязательного рукопожатия.

Взглянем на другие основы русского порядка. Русский порядок, по народным представлениям, основан на Воле Божьей, о чём свидетельствует слово **вещать** как изречение Божьего решения. Корень этого слова присутствует во многих юридических терминах: *завещание, ответчик*, а в древности существовала – *поветь* (область, подведомственная суду), а ещё мы знаем древнерусское **вече** – народный собор, выносивший общее решение в согласии с Божьим законом. Слово **вещать** соединялось с близким ему по смыслу *ведать*, означавшим высшее, от Бога дарованное *ведение*, в отличие от знания, получаемого человеком из наблюдения за внешним миром. По-русски *ведать* – получать откровения Бога, а *вещать* – изрекать откровения Бога. Из этого следует, что законы, по убеждению славян, исходят от Божества, а суд обязан быть вещанием Его правдивой воли. Именно таким в идеале и сегодня хочет видеть суд каждый русский человек – по справедливости решающим судьбу человека.

Славянское слово **судьба** – буквально “суд Бога”. Судьбу мы, русские, ставим выше любого приговора, вынесенного нам людьми. Судьбу вершит Бог, а всё, что случается в этой жизни с человеком, есть решение о нём божественной силы. Оттого возникли древнейшие способы решать дела жребием, испытанием водой и огнём, поскольку стихии природы – целиком во власти Божьих сил, они и выражают Его святую волю. А ещё раскалённым железом, поединками и клятвами над мечом – знаменем молнии, языческим символом бога-громовержца, карателя всякой неправды, испытывали судьбу наши предки. Да и само выражение “испытывать судьбу” значит, что мы всякий раз подсознательно спрашиваем, пытаем Бога, что Он думает о нас, не отвернулся ли от нас, благоволит ли к нам.

Вот так – Божьей волей, мерилom Высшей правды – русский порядок оправдывал и оценивал судьбу каждого человека. И оттого важнейшим архети-

пом русского самосознания является убеждение, что справедливость — Божья правда — выше человеческого закона. Людской же закон — что дышло...

Все правовые понятия русского народа облечены в древние символы. Рука как основное орудие человека стала символом власти, права, силы. Чтобы овладеть предметом, присвоить его себе, в старину надо было взять его рукой и таким образом заявить о своём господстве над вещью. Отсюда происходят ключевые русские понятия — *дерзать* и *держать*.

Дерзать — значит попытаться дотянуться, постараться ухватить вещь. Вот почему *дерзкий* человек воспринимается нами чаще в положительном смысле, мы судим о нём как о смелом и рисковом удалце. А слово **держать** означает достичь желаемого и удерживать его в руке. Древнее это воззрение отражено в русском “держись!”, что значит “стой, где стоишь, крепись, удерживая то, что сумел взять”. Исконный этот взгляд отражён в слове *удерживающий* — такой библейский образ, определяющий царственного носителя добра, который своей властью удерживает разгул зла на земле и саму Вселенную бережёт от конечной гибели. Древнее это суждение хранится в слове **держава**, означающем государство под единоличной сильной властью.

Воззрения, связанные с юридическим значением руки, принадлежат отдалённой старине и ярко сказываются в юридических обычаях разных этносов. В русском народе они многочисленны. С *рукополаганием* связаны религиозные действия посвящения в священнический сан, в епископы христианской церкви, оно и называется *рукоположением*.

И в русском быту рука была символом власти и силы. До сих пор существуют расхожие выражения “У него там рука”, “Своя рука — владыка”, *подручный*, то есть подвластный. Велика роль *руки* в наших официальных юридических терминах. Русское название **тяжба** говорит о том, что в древности спор о вещи представлял собой борьбу, когда и истец — тот, кто ищет правды, — и ответчик тянули спорную вещь к себе. И тот, кто осиливал эту тяжбу — борьбу на суде, получал её себе в собственность — в своё *стяжание*.

В судопроизводстве и в деловой жизни Руси известно такое понятие как **круговая порука** — коллективная ответственность, когда все — за одного, когда выручали своих из беды, пуская “шапку по кругу” в помощь бедствующему или вместе выкупали виноватого сородича, сообща давали отпор обидчику своего ближнего.

Уже простое пожатие рук есть символ связи, согласия, поэтому у нас существует рукопожатие не только как дружеское приветствие, но и как символ всякого договора. Когда стороны сходились в цене или соглашались на прочие условия сделки, дело венчалось *рукобитием* — так дело вершили и про то говорили: “ударил по рукам”. Тот, кто принимал на себя ответственность за другого на случай неисполнения им обязательства, назывался *порукою*, *поручителем*, потому что *ручался*, буквально давал руку на отсечение. Давать руку на отсечение — древний обычай клятвы, и таким священным обрядом — клятвою *поручительства* — по сей день вступают в России в договорные отношения. При этом принято всегда подавать правую руку, а не левую, потому что принято считать, что правая рука важнее, она главное орудие человеческой деятельности — по связи слова правый с понятиями право, правда и справедливость.

В свадебных обычаях, а свадьба не что иное, как народный юридический акт, главенствует обряд *обручения*, в сути этого слова — не один лишь обмен кольцами, а взятие руки жены в руку мужа, потом жена поступала под руку мужу — вспомним выражение *ходить под рукой*. И шли муж с женой по жизни *рука об руку*.

Есть и другие русские юридические слова-символы. Все гражданские договоры именовались **обязательствами** — от глагола *обязать*. Каждый русский и поныне, дав обязательство, чувствует себя повязанным, пока не выполнит обещанного.

Наши действия мы привыкли называть поступками, у нас в обычае говорить: *войти в сделку, вступить в договор*. Нарушение называется *проступком* или *преступлением*, когда переступают границы дозволенного — именно в таких образах воплощаются идеи совращения с настоящей дороги и переступания законных границ.

Понятие *голова* — символ жизни как правовой термин тоже возникло из юридических обычаев русского народа. Согласно “Русской правде”, древнейшему письменному своду русских законов и обычаев, *головник* — убийца,

человек, отнявший у другого голову, а значит, жизнь. Из тысячелетней древности происходят наши понятия *уголовник*, *уголовное преступление*, *уголовный кодекс* и всякая *уголовщина*, как преступления, связанные с посягательством на жизнь человека. Обычай смертной казни путем отсечения головы – это народный обряд искупления преступления убийцей – голову за голову, а вовсе не садизм властей, которые подобной казнью устрасали население.

В самых крайних случаях, спасая невиновного, русские клялись в судах и на сходах головой: *“головой клянусь”*, *“голову даю на отсечение”* – по сути, отдавали в залог собственную жизнь.

Итак, мы видим, что русское народное право, именуемое издревле русским порядком, породило множество современных юридических терминов, но не воплотилось в современных законах, где нет в полноте ни справедливости, ни свободы, заложенных в наших древних установлениях.

По народному осознанию властитель, который поручился за своих министров, должен отвечать за творящиеся в стране беззакония наравне или даже больше этих министров. Русский порядок требует державности – сильной единоличной государственной власти. Русский порядок основан на справедливости судебных решений. Русский порядок строится на ответственности и обязательствах всякого власть имущего – ведь его действия должны определяться Божественной Волей. Таковы идеальные представления о русском правопорядке, заложенные в нашем языке и воплощённые в сохранившихся доселе народных обычаях, что питают народную жизнь непонятными для властей мотивами поступков, непостижимыми и недопустимыми с точки зрения официального закона действиями. А всё потому, что по-русски справедливость выше людского закона, мера справедливости – не произвол начальников, а народная совесть.

ОБЩЕЕ ВЫШЕ ЛИЧНОГО

В наше смутное время в государстве Российском пытаются ввести культ частной собственности. Культ в том, что человек забывает об общественном, общем для всех благе, стремясь только к личному благосостоянию, увлекаясь лишь собственными удовольствиями, не добиваясь ничего, кроме своих выгод. Однако большинство народа русского не воспринимает частный интерес как ключевое, главное в жизни. Почему? Да потому что архетипом, основой русского мировоззрения в течение тысячелетий являлся иной постулат: мы, русские, всегда ставили общее выше частного и личного. Этот взгляд на мир не был навязан нам извне, он родом из истоков нашего национального бытия.

Представление о том, что общее выше личного, стало законом жизни русского народа, вот почему одно из фундаментальных понятий русского народного права – *община*.

Слово *община* происходит из понятия **обтъ*, в котором начальное *О* означает обережный круг, начертанный окрест человека и его жилья. Этот магический круг, которым человек ограждался от опасности, существовал и в виде пояса при одежде, и в облике славянской наголовной повязки, и в форме ограды-забора окрест села. Обережный круг возник на основе сторожевого кругового обхода древним славянином той местности, где он задумал поселиться или заночевать. Всё, что находилось в пределах обережного круга, считалось безопасным, очеловеченным, своим, за границами же круга земля представлялась чужой, неизведанной, грозившей опасностями. Архетип обережных кругов проявляется, когда нам предлагают, к примеру, нарисовать схематически город или деревню, мы непременно изобразим их в виде круга. Что закрепилось и в географических картах, где населённые пункты изображаются именно кружками, а не квадратами или треугольниками. Сохранились и выражения *в своём кругу*, *в кругу семьи*, которые образом круга очерчивают привычную для человека безопасную среду обитания и общения. Понятие *общения* как древнего правила русского поведения заложено общинными обычаями круговой поруки, круговой чаши, хороводов и круговой пляски, в старину бывшими ритуалом собирания народных сил в общий кулак, который очень трудно одолеть врагу или чужаку.

Общинный строй жизни сформировал русское право на общинную землю, которая законно принадлежит каждому члену общины и его семье. Древнее

понятие о своей собственной и в то же время общей, принадлежащей всей общине территории, малой родине для каждого русского хранится в исконном значении слова **семья**. Семья связывает род человека с землёй, на которой он живёт, поскольку слова *семья* и *земля* — одного происхождения. Привязанность к малой родине всегда сохранялась в русском человеке, в какие бы чуждались края он ни отправлялся. Привязанность эта кроется в понятии о земле нашей семьи, общинной земле, на которой жили, работали и умирали наши предки. Корень подобных представлений в том, что традиция распределения общинной земли во временное владение каждой семье позволяла рассматривать всё земельное владение общины как общее наследие и общее достояние, принадлежащее всем мирянам. Отвод земель в крестьянской общине совершался на каждую семью, именуемую двором, раз в два-три года, справедливость требовала, чтобы получивший хорошие земли в одном переделе в последующий отвод получал неудобье, и так члены общины постоянно менялись землями, обихаживая их с равным старанием, так как каждый понимал, что рано или поздно все наделы общинной земли пройдут через его руки. Этому порядку тысячи лет, ведь справедливый раздел земли — сенокосов, лугов, рыбной ловли, лесов — проходил по жребию ещё в X веке, и в Уставе о земских делах Ярослава Мудрого сказывалось: “Аще разделение земли будет, и пообидит кто в жребии, вольно будет порушати бывшее разделение”. Так что мирская земля, её пахотные, сенокосные, пастбищные, лесные угодья равно принадлежали всем семьям общины, были для них родной землёй, землёй их семьи. Это вам не клочок огорода в шесть соток, что обихаживает большинство нынешних “землевладельцев”. Общинные владения приучали каждого крестьянина к тому, что его земля обширна и неоглядна. Истоки широты русского характера — в общинном владении землей.

Тысячелетиями существовавшая славянская община породила наше представление об общем имуществе, отделённом от личной собственности, но при этом именно общем, принадлежащем всем членам общины. Общинное достояние искони было в русском представлении тем, что надёжно и нерушимо, что не даст умереть с голоду в одинокой старости, что сохранит малыша-сироту при моровом поветрии, что удержит семью, потерявшую кормильца, от окончательного разорения. Выражение “*пойти по миру*” означало вековую привычку просить помощи у общины. Потому и помнят исстари “*С миром беда — не убыток*”.

Общее имущество делилось мирянами поровну, и начальные понятия об общем достоянии и справедливом его разделе выросли именно в общине — на мирских сходах, где наделляли каждого и тяглом, и землёй, и семенным зерном, поскольку и земельный, и семенной фонды, и работы для всего общества были общими.

В убеждении об общем достоянии всего народа до сих пор возрастает каждый русский. С детства мать нам наказывает: это не твоё — это общее, а общим надо делиться со всеми. И таким общим, на русский взгляд, являются и земля, и реки, и моря, и леса, и недра, составляющие нашу страну, входящие в бережный круг русской земли. Потому, строжайше пресекая воровство личного, чужого имущества, в русской традиции не осуждали ни заготовку дров в чужом лесу, ни ловлю рыбы в чужих озерах, ни охоту в соседских охотничьих угодьях. Ибо и угодья, и реки с озерами, и леса — всё это искони было общим, дарованным народу Богом, и пользоваться Божьими дарами не считалось грехом. Временные владельцы общего добра могли сколь угодно грозно охранять леса и реки, как сегодня они огораживают захваченные народные угодья заборами и колючей проволокой, но любые запреты и угрозы не в силах изменить русского народного закона об общем достоянии. По-прежнему наш человек считает грехом воровства залезть в чужой дом и забрать имущество и деньги, но не считает преступлением попользоваться присвоенными приватизаторами Божьими дарами, что искони дарованы и принадлежат всему народу. Так же и недра нашей земли общие, и качать из них нефть, добывать золото и уголь в пользу временщиков в русском народе никогда не будет признано справедливым. Рано или поздно грядёт новый русский передел, передел по справедливости, передел, возвращающий недра и землю народу — такие переделы уже не раз бывали на Руси.

Многотысячелетняя русская община сформировала у нас своеобразное соборное мышление. Наша сегодняшняя критика демократии как западного

поветрия, не свойственного русскому народу, вызвана полным извращением основ народоправства в России. На Руси вопросы повседневной жизни решались именно в общинном, в мирском самоуправлении. И хотя русские мужики всегда понимали, что сноп без перевясла — солома, и без вожака мир безголов и бестолок, но только “всем миром сойдясь”, соборно русские обсуждали важнейшие дела и принимали решения. “Что мир порядил, то Бог рассудил”. Мирские постановления были для крестьянина равны судебным приговорам: “На мир и суда нет”.

Вся жизнь русского крестьянина проходила “на миру”, в делах мирских он выказывал себя вожаком или горлопаном, хозяином или разгильдяем. И был смысл каждому послужить миру на пользу. Ведь личные интересы крестьянина защищал именно мир, община. Потому и рассуждал русский человек так: “Голдить, так всем голдить, а одному голдить — так пропадёшь”, “Одному-то страшно, а всему миру — не страшно”. Крестьянство — и бедное, и зажиточное, — поголовно было убеждено, что община имеет безусловное право на челобитье в любые, самые высокие властные учреждения, в том числе и к самому царю: “Коли все миром вздохнут, то и до царя слухи дойдут”. Знал крестьянин, что мир способен даже переменить власть, лишь бы все до единого захотели этой перемены: “Как мир вздохнет, то и временщик издохнет”.

Мир был для русского человека ходатаем и заступником, кормильцем и оберегом. Государственная машина что в древнерусских раздробленных княжествах, где община именовалась *вервью*, что в Московской Руси, что в императорской России, где утвердилось общинное имя — мир, так вот, государственная власть вела дела и строила отношения не с отдельными людьми, а с общинами, которые блюли, прежде всего, свой земский интерес, защищая мирян-земледельцев. И потому государство не единожды подступалось к реформе общинного устройства России, всякий раз внушая гражданам, что вред от общины многократно превосходит пользу от неё.

Очередное разрушение общины, которая, по убеждению П. А. Столыпина, в XX веке стала тормозить развитие России, мощно продвинуло в стране развитие капитализма, но в то же время мирское управление упразднилось и заменилось чиновничьим, продажным и несправедливым. Кто знает, не это ли подвигло крестьянское сословие пойти за большевиками, обещавшими прежнюю мирскую справедливость, сулившими возвращение общинных земель, распроданных государством крупным латифундистам и капиталистам. И мирское управление было отчасти восстановлено коллективизацией крестьянских хозяйств, правда, с такими грубыми перекосами, что погубили лучших и наиболее трудолюбивых земледельцев. Сегодня вновь, как при столыпинских реформах, когда крестьяне из порушенных общин теряли свои земли, нищали, уходили в города, становясь пролетариями, так и ныне крестьяне, разобрав колхозные земли на паи, продают их за бесценок латифундистам, нищают без мирского управления, бросают родные пепелища и отправляются в города, чтобы навек там раствориться. Сходство этих процессов в том, что разрушение общины есть, по сути, разрушение самого русского крестьянства как сословия, питающего своим генетическим национальным запасом русский народ и кормящего своим трудом российское государство. Мы же исторической памятью помним, что “мирская шея толста и жилиста”. Она много снесёт и вытерпит. Не то один человек. Он в поле не только не воин, но и не работник. Разрушив общину, государство в очередной раз лишило человека верного защитника, радетеля и ходатая. Остался русский крестьянин со всем семейством лицом к лицу с несправедливым, продажным, алчным государством, теперь ему и по миру-кормильцу в беде не пойти, и правды без мира-заступника у государства не отспорить.

Нарастает, накапливается в народе чувство беззащитности и обиды, заставляет искать и строить новые формы общинности — политические движения, православные братства, землячества, клубы любителей и сообщества профессионалов. Все они так или иначе реализуют русский закон ходатайства общины перед лицом жестокого государства, заложенный в архетипах народного самосознания.

Есть ещё одна линия русского права, проистекающая из общинной традиции, — закон действия сообща, навалясь всем миром, сойдясь всем скопом. “Собором и чёрта поборешь”. “Берись дружно — не будет грузно”. Община обязывала человека на совместные работы, которые назывались **помочи**.

Сенокосы, жатва, вывоз навоза на поля собирали всё сельское общество. При уборке урожая соблюдался золотой принцип: сначала помогали одному хозяину, потом наваливались на работу у другого. И так по всей деревне. Само восклицание: “Навались!” – говорит о традиции братья за дело совместно. Чаще всего помочи устраивались зажиточными или одинокими мирянами, обязательно помогали вдовам с детьми. После общего дела непременно ставилось угощение. Соблюдался русский трудовой кодекс: “*Мешай дело с бездельем, дольше с ума не сойдёшь*”. Соседские помочи случались и при строительстве изб, когда надо было ставить сруб или бить печь. Сообща валили леса под поле и заготавливали дрова. Женские помочи – особая страница общинной жизни. Велись и **супрядки**, когда, собираясь в одной избе, девушки пряли вместе лён и коноплю, бытовали **капустки**, когда бабьим скопом рубили капусту на зиму. Всё это сопровождалось песнями и побасёнками, сказками и припевками. “*Дружно не грузно, а врозь – хоть брось*”.

Община сделала русского человека коллективистом, и она же заставляет по сей день народ сбиваться в сплотку, чтобы одолеть общую беду или управиться с тяжёлой работой. “*С миром не поспоришь и мир не похоронишь*”. Этот коллективистский закон народной жизни пытаются ныне одолеть, разложить наше общинное мышление воспитанием западного эгоизма и индивидуализма. Но мы продолжаем верить в плодотворность и полезность общих усилий и общего дела. А тот, кто отрывается от общины, по-прежнему для народа *отщепенец* (он сам “отщепился” от собора) и *отребье* (он собору непотребен), то есть нечто отделённое, отброшенное, ненужное, бесполезное. “*Нам же хоть на заде, а в том же стаде*”. “*Отстал – сиротой стал*”. И какому же русскому охота быть сиротой, отребьем или отщепенцем?

Отщепенцам и отребью находилось в русском обществе немало презрительных кликух, и что приметно – большинство из них иноземного происхождения. Переберём эти имена, и окажется, что русские, отстраняясь от тех, кому общее не дороже собственного, обзывали таковых прозвищами, которые обозначали чужаков. *Шаромыжник* и *шваль* оказываются здесь копиями французских *cher ami* (милый друг) и *chevalier* (кавалер, рыцарь). *Мазурик* и *шельма* образованы от немецких *mouser* (вор) и *schelm* (плут). *Шпана* происходит от испанца, а *шантрапа* – тоже плут, только из чешского *schantrok*. *Болван* и *балбес* – приобретения из татарского языка и означают они: *болван* – героя и силача, а *балбес* – тупицу и дурака. Татарского извода и *разгильдяй*, вышедший из личного имени Уразгильды. *Хабал* и *хабалка* – слова еврейских корней, где они означают господина и госпожу. Убедительнее доказательств, что прозываемые шаромыжниками и хабалками для русских отщепенцы и отребье, трудно придумать. Они не наши, не свои, не общинники, они – чужаки, потому и клеймят их чужим тавром.

Обычаи общинной жизни – это обычаи, равные законам, они действуют сильнее писаных законов, потому что заложены в нашей исторической памяти тысячелетней русской общинной традицией. Какие они, эти русские обычаи-законы, против которых сегодня юристами, чиновниками и законодателями государства Российского ведётся самая настоящая война?

Первое. Вся землю русскую рассматривает русский народ как общенародное достояние, которое никто не вправе присвоить себе.

Второе. Хотя у каждого русского человека есть личное имущество, он одновременно входит во владение общим достоянием, что принадлежит всем единоплеменникам. Общим имуществом надлежит делиться, его требуется беречь и преумножать. Несправедливое распределение общенародных благ непременно вызовет бурю гнева, который сейчас подспудно копится в народной душе.

Третье. Община предопределила своеобразную русскую демократию – русский взгляд на власть как на мирское, общинное управление. По приговору мирского схода, как бы он ни назывался – *вече*, *собрание*, *собор*, *дума*, – на Руси вершили дела. Решали вопросы, только всем миром сойдясь. А мирской сход составляли все самостоятельные и взрослые отцы семейства, домохозяева. И попытки отобрать у нас право самим решать свою судьбу на том основании, что русские якобы народ рабской психологии, неизменно заканчивались революциями и бунтами.

Четвёртое. Навык и обычай действовать сообща, наваясь миром, артелью, соборно – тоже родом из общины. Борьба с русским коллективизмом

идёт сегодня ожесточённая, но мы уверены, что не все на Руси согласятся стать отребьем и отщепенцами. Собьётся народ в кучу, сожмётся в русский кулак. Будет и на русской улице праздник. И законы народные – тысячелетние обычаи русской общинности – непременно восторжествуют.

КОРЕННЫЕ ОСНОВЫ СЕМЕЙНОГО ПРАВА

Как община была защитницей и блюстительницей материального благополучия русского человека, так хранительницей его душевного спокойствия, равновесия духа являлась семья.

Семья в жизни русского народа, подобно общине, имела организующее значение. Русский глядел на семью как на важнейшее и неперемное условие своего существования. Неженатый не считался на Руси нормальным, на него смотрели отчасти с сожалением, как на нечто нецельное, несостоявшееся, а порой косились с презрением, как на человека, не умеющего жить по-людски. И звали такого неженатого *бобылем* – сухим перестоявшим травостоем, не давшим семени. Холостой образ жизни полагали для мужчины отклонением от нормы, и только семья воспринималась как хозяйственная и нравственная основа правильного образа жизни: *“Семейная каша гуще кипит”*.

Точно так же не считалась состоявшейся судьба незамужней девицы. Если девка не выходила замуж до двадцати пяти лет, про неё говорили *вековуха, перестарок, засиделась в девках, старая дева*. Путь такой девицы – *божьей невесты*, – как и неженитившегося молодца, лежал в монастырь, иначе они становились нравственной, да и материальной обузой для своей семьи.

Русская крестьянская семья строилась по неписаным законам, своеобразному народному семейному кодексу. Каковы же начала семейного права, легшие в основу наших национальных представлений о жизни по-людски?

Самый распространённый вид семьи, бытовавший на Руси тысячелетиями, – неразделённая трёхпоколенная семья: старшие – отец с матерью, их женатые сыновья и невестки, а также неженатые-незамужние дети и дети женатых сыновей. Такая семья имела в достатке рабочих рук, могла сполна обеспечить себя продовольствием, одеждой, в такой семье дети получали наилучшее воспитание и пригляд. Выделившиеся из трёхпоколенной семьи сыновья недолго жили наособицу, через полтора десятка лет женились их сыновья, выходили замуж дочери, и возобновлялась прежняя традиция трёхпоколенной семьи.

По семейному русскому закону сын, женясь, обязывался жить с родителями, а дочь непременно уходила в родню мужа. Исключение составляли семьи, в которых не было сыновей. Тогда в дом принимали зятя-работника, не без насмешки называемого на деревне *примаком, влазнем, привальнем*. Жизнь в дому за сыном почиталась доброй, жизнь за зятем – ненадёжной и зыбкой: *“С сыном бранись – на печь ложись, с зятем бранись – за скобку держись”*, *“Сынок – свой горбок, зятёк – покупной щеголёк”*.

Ещё меньше прав было в семье у невестки, и если жена старшего сына признавалась главной помощницей *большухи* – хозяйки дома, то младшие снохи всегда оставались бесправны и безгласны. Их удел – без продыху работа, задаваемая свекровью: *“Чай устала, невестушка, моловши? Отдохни – потолки!”* Когда же свекровь обижала невестку, то сын не имел права за неё вступиться. Не зря говорилось, что *“невестка – госпожа над курами да льном”*. Беспрекословное повиновение служило законом семейного права на Руси. Здесь царствовало безусловное, безропотное покорство младших членов семьи старшим, а также послушание жён – мужьям, детей – родителям.

Наибольший вес в крестьянской семье после большака-отца имел старший сын. Он помогал отцу во всех хозяйственных делах, ездил на ярмарку продавать хлеб, закупал товары. Отец выдавал старшему сыну семейные деньги, за которые сын обязательно отчитывался перед отцом. В трёхпоколенной семье почти все деньги считались общими, семейными. Это были средства от продажи выращенного хлеба, их тратили на семейный обиход и хозяйство. В то же время сыновья и невестки могли иметь деньги личные. Зарабатывали их в основном жёны. Выращенный ими, обработанный, напрядённый лён и вытканная из льна ткань считались законным имуществом женщин. Каждая невестка за зиму наготовлявала от семидесяти до ста аршин

холста. Если пересчитать на метры, с учётом того, что в аршине 71 сантиметр – примерная длина руки взрослого человека, – то русская крестьянка-ткачиха наготавливала в среднем до пятидесяти метров льняной ткани в год, из которой обшивала своих детей, мужа, а излишки продавала, как правило, вкладывая деньги в семейную копилку. Большуха пряла и ткала на свою семью – на мужа и неженатых-незамужних детей. Невестки обшивали собственных мужей и детей.

Признавая невестку даровой работницей, семейное народное правоставляло её собственностью неприкосновенной. Приданое невестки принадлежало только ей и переходило по наследству только к дочерям. Вот откуда у внуков по материнской линии в сундуках старинные бабушкины наряды. Если невестка умирала, не оставив дочерей, то её имущество доставалось матери или сёстрам. Этот непреложный закон делал русскую женщину самостоятельной в распоряжении своим имуществом, но предписывал девушке с малолетства неустанно трудиться, чтобы изготовить себе приданое. Вот почему незамужних дочерей в родительской семье не загружали сполна домашней работой – ведь им предстояло готовить себе приданое, зарабатывать на него, нанявшись на подёнщину или в няньки, а ещё вырастить, напрясть, наткать, нашить своё неприкосновенное имущество – постели, полотенца, скатерти, рубахи, понёвы и сарафаны.

“Алтарём”, вокруг которого священнодействовала хозяйка дома, служила дежа или квашня, к которой невесткам и незамужним дочерям запрещалось даже прикасаться. *Дежа* – настоящее святилище крестьянской семьи. В особой кадке, а исконно – в выдолбленной дуплянке – заквашивали хлебное тесто. Само слово *дежа* происходит от глагола *деть/девать*, то есть прятать от чужих глаз. Закваска и брожение теста как раз и проходили в тихом и тёплом месте, без постороннего догляда. Считалось, что, если шуметь и греметь в доме, покуда бродит тесто, оно не взойдёт, осядет, хлеб не выйдет пышным. Может быть, именно поэтому традиция предписывает хозяйке ставить хлеб ранним утром, когда в доме все ещё спят. Замес теста и его брожение назывались *обрядней*, что указывает на выпечку хлебов как на особое священнодействие.

Семейное наследственное право значительно отличалось от современных представлений о наследовании имущества. По смерти хозяина – отца семейства – наследство его делилось, причём наследниками считались только сыновья и никогда дочери. Сыновья получали из отцовской собственности равные доли, и уже после раздела долей решали, вести им хозяйство вместе или порознь. Символом и жребием раздела раздела служил обычно разрезанный хлеб, словно выражавший мысль о том, что отныне каждый кормится сам по себе. Отголоском наследственного раздела имущества звучит выражение *отрезанный ломоть*, и по сей день приложимое к выделившемуся из семьи, самостоятельно живущему сыну. Если же братья после смерти отца решали жить наособицу, то здесь негласные семейные законы предписывали порядок раздела. Старинные документы народного права, такие как “Русская правда”, оговаривали безусловное право младшего сына на отцовский дом. Древние обычаи и русские сказки это подтверждают особой привязанностью родителей к младшему любимому сыну, наследнику отчего дома. При этом существовало жёсткое требование лишать права на наследство отделившегося сына, если он не поддерживает престарелых родителей.

Семейное наследственное право безжалостно по отношению к женщинам. Дочь и жена в древности не наследовали имущества умершего отца и мужа. Родная мать при взрослых детях, овдовев, просто оставалась жить при общем дворе и хозяйстве. А при разделе сыновей ей выделялась в пользование часть имущества, которая поступала к сыну, взявшему мать под свой догляд. Дочери никогда не становились отцовскими наследницами. При отсутствии сыновей древний обычай требовал отдать наследство братьям или племянникам покойного, но не дочерям. Этот суровый обычай в последние века был смягчён: постепенно дочери и жены стали входить в права наследства наравне с сыновьями.

Семейные обряды имели ритуальный смысл священнодействия. В семейных обрядах крестьянской семьи деятельное участие принимала община, потому и назывались эти обряды всегда множественным числом, так как состояли из множества ритуальных действий и проводились в большинстве случа-

ев при стечении соседей. *Родины, крестины, именины, каятины, смотрины, проводины, похороны, поминки* – все это проживал каждый человек от рождения до смерти, и вместе с ним радовались и скорбели, веселились и грустили родные и соседи. Из всего перечисленного мало кому известно, что такое *каятины* – семейно-общинный обряд выяснения виновности человека в преступлении, *смотрины* – обычай выбора невесты, *проводины* – обычай провожать всей общиной рекрутов в солдаты, остальное же по сей день хранится в памяти поколений, а подчас и выполняется в полноте обычая.

Подобно законам, обряды родин, крестин, каятин, похорон предписывают порядок ритуальных действий, да это и есть народные законы, требующие соблюдения ритуалов, которые, во-первых, ограждают человека от сглаза и порчи в переломные дни его жизни, во-вторых, производятся при стечении соседей, закрепляя их участием как свидетельством законности того или иного ритуального события. Обычай соседской общинности очень дорог русскому сердцу, привыкшему относиться к соседям почти как к родне. Такая привычка обязывает звать их в гости, делиться с ними всем, что ни есть в доме, угощать пирогами, возить из города гостинцы. Соседей угощают не только из радушия, но и из расчёта иметь рядом ответно доброго человека, а не завистливого скареду.

Вспоминая семейные обычаи, мы видим, что в нашем русском укладе сохранилось немало важных традиций. Трёхпоколенная семья хоть и почти разрушена, но живы связи, которыми поддерживают друг друга родители с детьми, бабки и деды с внуками. Наша русская семейная взаимопомощь, когда безработные дети могут кормиться на пенсию своих родителей, студенты-дети рассчитывают на поддержку отца и матери, а немощные старики знают, что взрослые дети их не бросят и будут опекать до самой смерти, – всё это непонятно западноевропейцам, в культуре которых бытует лишь двухпоколенная семья. Здесь обыденностью является студент, сам зарабатывающий себе на учёбу, нормальным считается взять у отца деньги в кредит и вернуть с процентами, здесь никто не осудит человека, отправившего своих родителей в дом престарелых. Русская семейная взаимовыручка и поддержка чужды прагматичным Европе и Америке, у нас же они позволяют семейно переживать любые трудности и невзгоды.

Наше, имеющее древние истоки представление о том, что собственность в семье общая и не принадлежит конкретному члену семьи, позволяет детям рассчитывать на дедову и отцову подмогу, на то, что им родители оставят жильё и имущество. Для западноевропейца же нормально, когда родители сдают в аренду пустующую квартиру, а их взрослые дети снимают жильё у чужих.

Столь же крепок у русских обычай доброго соседства, обычай приглашать на главные события жизни не только родню, но и живущих окрест людей. Родины, смотрины и каятины ушли из культуры, но крестины, проводы, похороны и поминки по сей день собирают соседей и сородичей. Европейцы и американцы подобные традиции позабыли.

Новые законы давно ввели равенство в наследстве сыновей и дочерей, но отцы по-прежнему желают видеть первенцем сына, подспудно сознавая его наследником и преемником. Семейная иерархия, казалось бы, давно отменена, но свекрови всё так же желают командовать невестками, а тётчи неизменно недовольны зятями-примаками.

Так сохраняются коренные основы русского семейного права, известные которые можно, пожалуй, лишь вместе с русской семьёй, а она умирать пока не собирается. Трёхпоколенная семья по-прежнему остаётся главной ценностью русского человека, и на её прочном многотысячелетнем фундаменте способно возродиться и дружественное общинное соседство, и национальная государственность.

БЫЛА ЛИ НА РУСИ ДЕМОКРАТИЯ

Устоялось мнение, терпеливо и настойчиво внедряемое в наши головы противниками всего русского, что демократия не свойственна русскому народу, что русские-де – природжённые рабы, мол, только того и ищут, как бы склонить выю под сильную руку. Этому уничижительному представлению о русских вторят российские неомонархисты, распространяющие заблужде-

ние, что в России никакая демократия не приживается и что ею пользуются нам во зло пришедшие злоумышленники. Убеждение это не более, чем иллюзия. Коллективистское сознание русских породило нашу своеобразную демократию, что наиболее ярко отразилось в обычае мирского схода, до сих пор бытующего местами в России. Именно мирской сход – собрание *верви-общины-мира-совета* – противостоял властям, ограничивая неуёмные их аппетиты и сдерживая вседозволенность.

Государственной властью у русских было принято считать всё чиновничество во главе с государем. С той лишь разницей, что государь почитался властью властей, сдерживающей уздой самодержавия самодурство местных начальников. И за то народ царя-батюшку почитал и уважал, уповая на него, как на последнюю надежду в крайности. Прочие же управители, полагал народ, блюли, прежде всего, свой, а не общий интерес и потому не всегда делали так, как им повелевалось царскими указами. *“Не ведает царь, что делает псарь”*. *“Царь гладит, а бояре скребут”*. *“Не царь гнетёт народ, а временщик”*.

Своеобычно в русском понимании и государство, которым в старину называлось одно лишь пространство России, что отразилось в поговорке: *“Государь – батька, земля – matka”*. Такое видение государства сохраняется у нас и поныне. Мы решительно не желаем понимать под государством власть и управление страны. Для нас государство – сама наша страна. Именно на этом строится подмена понятий современными политиками. Дескать, если ты идёшь против власти, значит, борешься с государством, со страной, а разве тебе родная страна не дорога? Нет же, нет! Русские всегда отделяли власть от государства, и смена властей не вела к распаду государства, то есть, в нашем представлении, территории страны, ибо она скреплялась общинным самоуправлением.

Какова же была природная русская демократия? В стране, возглавляемой государем (князем, царём, императором), осуществлялось по местам деление на общества-общины. В *“Русской правде”* сохранилось древнее именование общины – *вервь*, что буквально означает *клубок обязательств*, которыми связывались между собой её члены. Такие общины составляли обитатели сёл и деревень, верви были и в городских поселениях, их именовали *слободами, улицами, концами*. Любое подобное общество управлялось выборными руководителями и мирским сходом, оно было формой народной демократии или, как принято у нас сейчас говорить, местного самоуправления.

Община на Руси имела разные наименования: *поветь* – древнерусское общество, имевшее право на свой голос в противовес князю, *слобода* – городское средневековое общество, *мир* – сельское общество, управлявшее собой и платившее подати. Все эти и подобные им общины, помимо экономических, производственных задач, решали задачи социальные: общины поддерживали каждого своего жителя от мала до велика, если того вдруг постигла беда или недород, община не давала умереть с голоду ни слабому, ни больному. Потому и был русский человек в кругу своей общины всегда обнадёжен и уверен в будущем.

Сельское общество поддерживало неимущих своих обитателей пропитанием из общих хлебных магазинов и раздачей милостыни, подаванием кусков под окнами и предоставлением крова погорельцам. Причём в обществе по справедливости различали бедняков. Если семья пошла по миру из-за пьянства хозяина, то его по приговору общества лишали права распоряжаться своей землёй. Пьяница отправлялся на сторону скитаться, а землю сход постановлял отдать другому землепашцу, но *“исполу”* – на условиях отдачи половины урожая бедствующей семье. Ежели семья нищала из-за смерти кормильца, то сироты могли смело рассчитывать на большее сочувствие соседей и мирского схода. Общественная помощь тогда состояла в обязательном сборе по горсти муки с каждого зажиточного дома. Если же у обнищавшей семьи не оказывалось родственников, которые призрели бы её и оказывали помощь, пособляли в обработке земли, то с окна каждого дома подавали в корзинку ходившим по миру детям милостыню.

Общество имело право наказывать провинившихся – таких попросту прилюдно пороли. Драли шкуру за пьянство, били кнутом в случае неисполнения общественной денежной повинности, пороли за мелкие преступления. Такого наказания страшились не из-за боли – порки страшились из-за её позорности, прилюдности.

Общественное мнение всегда было важно для русского человека, до сих пор мы, как в стародавние времена, оглядываемся на молву, что люди скажут; стыдно от людей; совестно на люди показаться. И это следствие многовекового общинного образа русской жизни.

Важной задачей общество считало разбор на сходах семейных несогласий и ссор, что позволяло держать многопоколенные семьи в крепости и единстве. Глава семьи, домохозяин имел законное право пожаловаться на своих домочадцев обществу и просить мирской сход примерно наказать ослушника.

Мирскую демократию вершили на мирском сходе, на который допускались с правом голоса только мужчины-домохозяева. Даже опороченные в суде и наказанные телесно никогда не отстранялись от участия в сходе, ибо были хозяевами семьи и земли. Зато члены семьи без хозяина хоть и могли присутствовать на сходе, но не имели права подавать голоса. Не принимались к сведению и голоса женщин, даже если с потерей кормильца вдова вставала во главе семьи. А вот зрителями на мирском сходе могли присутствовать все обыватели села или деревни. Особое место священника на мирском сходе знаменовалось тем, что он председательствовал на нём, когда решались вопросы, касавшиеся дел церкви или причта. Но голос его принимался всегда и ставился выше голоса старосты даже в мирских вопросах.

Сама сходка собиралась по обычаю в мирской избе — особом святилище русского парламентаризма. Мнение подавали или сразу общее, или сначала высказывалось большинство, а потом выслушивалось меньшинство несогласных. Впрочем, несогласные чаще всего уступали мнению большинства, ожесточённых споров обычно не бывало, так как многие остерегались попасть в “высочки” — такое прозвище зарабатывали те, кто часто высовывался со своим мнением и за то облагался более тяжёлой службой в пользу всего общества, что сохранилось у нас в присловье: “Ну, и делай сам, раз ты такой умный”. Предостережение “не высовывайся”, как и наказ “на службу не напрашивайся, но и от службы не отказывайся”, тоже укоренились в тех давних “демократических сходах”, когда на высунувшегося налагали большее тягло.

Вот как описывают мирской сход русские этнографы XIX века. О насущных вопросах схода объявлял старшина или староста, спрашивая при этом: “Ну, как, ребята, думаете?” После этого начинали обсуждение, причём больший вес имели пожилые, но не старики, которых обычно пресекали словами: “В ваше время так было, а теперь не то”. При обсуждении вопросов порядка не соблюдали, а говорили, разделившись по партиям. Первой высказывалась партия побольше, побогаче или побойчее. Потом высказывала своё мнение другая партия, случалось, что таких партий было и больше. В результате разногласия на первый раз не выходило ничего. Тогда староста задавал новый вопрос: “Ну, что, ребята, как порешили?” Вторично приступали к обсуждению и опять разделялись по партиям. После вторичного приступа дело так или иначе решалось.

Как и во всякой демократии, на мирском сходе были не только партии и независимые мнения, но и влияли договорённости, направляемые повсеместно мироедами или говорунами, горланами, горлопанами, харлапаями-шалопаями. Эти люди не боялись попасть в “высочки” и обременить себя общественной службой, потому что вкладывались в общество деньгами и хлебом больше других или уже отслужили обществу отбытием рекрутской и иных повинностей. Они позволяли себе вершить внутреннюю мирскую политику, интриговать, оказывать влияние, добиваться своего.

Русский парламентский строй не обходился и без выборов должностных лиц в сельскую и волостную управу. Что примечательно, русские люди на выборные должности не рвались, даже вино ставили сходу, чтобы уберечься от “навалухи”. Выборы для крестьян составляли бремя, ибо должности не столько честь делали человеку, сколько накладывали на него тягость, отвлекавшую от хозяйства, ведь каждый из нас, русских, искони и доселе понимает выборную власть как обязанность держать ответ за свои дела перед теми, кто тебя избрал. Вот каждый в общине и стремился отстраниться, а то и откупиться от общественной должности. Но и сход мирской на выборах определял человеку работу по его возможностям, чтобы была ему под силу служба, чтобы не был он отвлечён на всё время от хозяйства, чтобы выбранный был сам рачительным хозяином, а не принадлежал к ленивому и малорабочему семейству.

От управителей требовалось наблюдать за исполнением крестьянских повинностей, которые именовались *тяглом*, они собирались натурой — хлебом, мясом, рыбой или тем, что имелось в угодьях данной местности. Существовали помимо этого и другие повинности, к примеру, *подводная*, её вносили деньгами, — своеобразный транспортный налог. Были повинности, обеспечивавшие благоденствие самой общины. Пожарную часть несли все по закону. Постройка церквей, хлебных магазинов, школ лежала на всем обществе, для этого собирали с каждой души по несколько копеек. На мирских сходах принимались обязательные для всей общины постановления о сроках сельскохозяйственных работ, сенокосов, рыбной ловли и выпасов. Мирской сход принимал решения о строительстве школ, библиотек, храмов, приглашал священника для молебнов, устраивал братчины. Словом, русская демократия была воистину разумна, свободна и справедлива. Не оставалось отстранённых от управления мужчин-домохозяев, отвечающих за свою семью и хозяйство. Не было желающих попасть во власть для того, чтобы урвать кусок побольше и пожирней. Мирской сход не давал человеку, даже самому несчастному, погибнуть от голода и холода.

Мирское самоуправление, время от времени разгоняемое или упраздняемое государственной властью, неизменно возобновлялось, как только возникла необходимость поступательного и надёжного развития страны. Так, после революции 1917 года, выбросившей лозунг “*Вся власть Советам!*”, а на деле отдавшей страну в управление ленинской “*гвардии*”, потребовались десятилетия для восстановления так называемой “*советской власти*”, архетипически повторявшей многовековую русскую общинную демократию, с присутствием ей бременем ответственности перед избравшим руководителя народом. В перевороте 1991 года по “*советской демократии*” был нанесён сокрушительный удар, и теперь русское самоуправление начинает формироваться снизу, вновь возвращаясь к русским общинам, казачьим кругам, мирским народным сходам, ибо чувствуем, что с помощью официальных выборов в России далеко не всегда можно защитить наши интересы.

Мы, русские, стремимся отвечать за самих себя и за своих близких и не любим, чтобы кто-то нам в этом указывал, как то происходит в российской выборной системе. Мы не рвёмся в “*высочки*” — во власть, сознавая, что здесь придётся нести за всё ответственность и отвлекаться от своего насущного, любимого дела. Этим сегодня пользуются инородцы, у которых совсем иные архетипы — стремление к первенству, извлечение из должности выгод и прибавок, но никак не несение обязанностей. В России как будто бы и ныне демократия, но нынешняя демократия — нерусская, несправедливая. К выборам допускаются не домохозяева — ответственные за свою семью и дело русские мужики, а все подряд граждане страны. От управления эти люди всё равно отстранены, они лишь передают свои голоса поистине *высочкам* наверху. А *высочки* норовят хапнуть, воспользовавшись своей властью и тем, что ответственные и достойные русские люди туда не стремятся и не контролируют выбранных ими *высочек*, ведь мы привыкли доверять тем, кого выбрали. Но доверять до времени. Ведь за доверенную власть рано или поздно в России приходится держать ответ перед народом.

Итак, русский народ искони был народом самоуправления. Вечевой строй сменялся мирскими сходами, мирские сходы — советами народных депутатов. И попытки подменить народные собрания властью ли алчных бояр, безжалостным немецким чиновничьим управлением, директивным обкомовским руководством или современным административным диктатом жадных до наших богатств инородцев неизбежно приводили и будут приводить к бунтам и революциям. Русская демократия с её требованиями спроса и ответа за доверенную народом власть прокладывала себе дорогу через любые засеки и завалы и проложит её вновь.

РУССКИЙ САМОСУД — СПРАВЕДЛИВЫЙ И БЕСПОЩАДНЫЙ

Русский человек известен своим неуважением к писаным законам: “*Не всякий прут по закону гнут*”. Но и без законов русские никогда не жили, на протяжении столетий руководствуясь тем, что называется ныне обрядом и обычаем.

Как наказывались преступники в юридических обычаях русского народа? Такой вопрос встает, когда мы наблюдаем сегодня ужесточение наказаний за самые незначительные прегрешения и, напротив, снятие всякой уголовной ответственности за преступления, которые, по свидетельству нашего здравого смысла и совести, должны повлечь за собой суровую расплату. Совесть и здравый смысл русского человека противятся многим нынешним вердиктам и приговорам судов, значит, мы обладаем каким-то внутренним ведением истинной, подлинно русской справедливости, где не всякая вина считалась преступлением, где тяжким грехом полагались поступки, обыкновенные в современном обществе.

Древняя система русского уголовного права сохранилась в старинных документах, таких, как “Русская правда” – свод законов, бытовавших на Руси тысячи лет и записанных в XI веке при князе Ярославе Мудром. Эта система в осколках своих удерживалась в русских обрядах, пока существовала в России крестьянская община. Сейчас отголоски народного уголовного права находим в поговорках.

Народные представления о преступлениях всегда отличались от того, что считалось преступлением по государственным законам. В среде русских не считалось воровством кража хлеба, если его у тебя нет. Не полагали запретным взять репы, редьки, морковки с чужого поля в небольшом количестве, только для себя, чтобы не умереть с голоду. А ещё русские не видели ничего зазорного в том, чтобы в чужих или государственных угодьях заготовить без пошлины дров, леса для постройки или жердин для ограды. Взять птицу или зверя из чужой ловушки, ловить рыбу в не принадлежащих общине озерах и реках, валить чужой лес – всё это не значилось преступным в глазах крестьян. По их справедливым понятиям, и леса, и реки, и охотничьи угодья не чьи-нибудь, а Божьи, и каждый может ими бесплатно пользоваться. Сквозь пальцы смотрели и на тех, кто распяным-пьяно напивался в праздники и воскресные дни.

По-разному наказывали в русской среде за неуважение родителей-стариков, разврат и оскорбление власти, с одной стороны, и за изгнание плода, убиение скотины в поле и воровство – с другой. На воровство, изгнание плода и убиение скотины смотрели очень строго, а на прочее мало обращали внимания, как и на причины подобных деяний: месть, пьянство, желание чужого добра, показание храбрости. Народ русский вообще отличался высокой нравственностью и не был склонен к жестоким преступлениям. По данным Архангельской судебной палаты, к примеру, за пять лет, с 1857-го по 1862 годы наибольшее число преступлений составили воровство и кражи – 26 процентов подсудимых; незаконной порубкой леса занимались 22 процента подсудимых; разбои составили всего 0,4 процента всех уголовных дел, а убийства – 0,7 процента. Причём убийства случались чаще всего во время драк и в пьяном виде. Небольшой процент составляли политические дела: в укрывательстве беглых обвинялись три процента подсудимых, в сопротивлении властям – всего два процента, в основном старообрядцы. Самоубийства были исключительным случаем, детоубийств не случалось вовсе.

Русские, особенно в северно-великорусских землях, отличались большим уважением к чужой собственности. Во многих селениях крестьяне, уходя за порог, оставляли свои дома незапертыми, просто втыкали в кольцо ворот кол, лопату или вилы как мету, что хозяев нет дома, и никто не смел вторгнуться в чужое жилище без спросу. Точно так же бельё, холсты, пряжа лежали и висели на оградах сохранно. Скот и лошади разгуливали в лугах без пастухов. Эта традиция долго сохранялась в русской деревне, а подчас и в городе, где хозяйки до сих пор вывешивают бельё во дворах.

У кого в общине или в слободе случалось воровство, тот объявлял об этом всему околотку, и тогда жители в присутствии старосты обыскивали все дома подряд в поисках украденного. От обыска не освобождали никого. В случае отыскания вора меру наказания определял ему тот, у кого он украл добро. Причём расправлялся с вором по приговору общества сам же потерпевший – “своя рука владыка”. Как описывают этнографы, обычно расправа состояла в том, что “отдуют, отдубасят проказника, с тем и конец, а уж то знай, что воровать больше не будет”. В некоторых местах вора водили по улицам при стечении народа. Если он сенной вор, то с привязанным к спине кошелем сена, если дровяной тать – то с вязанкой дров. Возле каждого двора при этом ос-

танавливались и для большего позору спрашивали у хозяев, не потерялось ли чего? Особенно спуску не давали сенному и конному вора́м: по пути их били, а потом взыскивали в двойном размере против украденного.

Если же преступление было тяжким, а к таковому относились в древности не только убийство, но и поджог, и конокрадство, то прилюдно, принародно, на миру совершалась казнь, в древности это слово звучало как *каязнь*, то есть искупление вины, *покаяние* ценой жизни виноватого. Впрочем, совершившего тяжкое преступление не обязательно убивали. “Конный тать”, согласно “Русской правде”, выдавался головой князю и терял все права вольности, хотя по Псковской судной грамоте конный вор лишался жизни. “Русская правда”, наш древнейший свод законов, свидетельствует, что убийцу, поджигателя или конокрада могли приговорить на *поток* и *разграбление*. Это древнее выражение, сохранившееся в “Русской правде”, означает, что преступника изгоняли вместе с семьёй и всем его родом из общины, а имущество у него отнимали и отдавали семье убитого или погорельца. Но помимо того в русских обычаях применяли и настоящую казнь – расплату головой, жизнью за жизнь. Только так, по народным юридическим воззрениям, можно было искупить свою вину в таком страшном преступлении, как убийство. Сегодня власти мораторием на смертную казнь привели дело наказания за страшные преступления к тому, что преступники, отсидев лет восемь за убийство, быстро выходят на свободу и продолжают свои чёрные дела. В старину подобной лёгкой расплаты быть не могло, ибо вступал в силу русский самосуд. Самосуд имеет глубокие корни в нашем национальном сознании, народ сам принимал решение о казни преступника, застав его на месте преступления, и никому не перепоручал казнь негодяя.

Мир – русская община – по-разному применял наказания к виновному. Среди различных наказаний, допускающихся народным представлением о справедливости, существуют сегодня кажущиеся странными приговоры, например, обычай водить вора по деревне с прицепленной на шею украденной вещью, и это называлось *лозор*. Разрешалась собственноручная расправа с пойманным на базаре вором, в такой расправе принимали посильное участие все – и обкраденный, и простые свидетели происшествия. Многие дела решались миром между своими, без обращения к государственным властям. Это и потрава полей, и кражи, и обман, и ругательства с буйством. Наказывала община таких виновных штрафом и розгами на общем сходе. Розги считались очень позорным наказанием, выпоротый прозывался *стеганцем* до самой своей смерти. Розгой пороли и за худую изгородь у полей, и за нерадивое земледельство, и за неуплату податей. А вот за драку и ссору не били, а прекращали их за водкой при сходке соседей, причём водка ставилась за счёт зачинщика.

Отрезание косы у девицы, незаконно прижившей ребёнка, надевание хомута на отца и мать провинившейся до свадьбы невесты, обмазывание дёгтем ворот их дома – эти обычаи известны не только из летописей, они стойко существовали в России ещё в XIX веке, охраняя народную нравственность.

Отличием русского уголовного права являлось особое отношение к покаянию за преступления, отразившееся в поговорке “*Покаянную голову меч не сечёт*”. Она понимает пощаду раскаявшегося разбойника.

В старину существовал обряд, называемый *каятины*. Если человек совершал преступление, не связанное с посягательством на жизнь и достоинство другого человека (под достоинством разумелось оскорбление его чести и чести его семьи, что приравнивалось к убийству, вспомните лермонтовскую “Песню о купце Калашникове”!), то такое невеликое преступление искупалось покаянием – публичным, принародным, на миру признанием своей вины и выкупом, вносимым общине, князю или церкви. Выкуп за преступление в глубокой древности именовался *кайна*, это слово затем приобрело русскую огласовку – *цена*. Внесение выкупа за преступление – не только русский, но и западноевропейский юридический обычай, который отражён в латинском термине – *пенитенциарная* система (система искупления преступлений), здесь четко прослеживается латинский корень *пени*. И в заимствованном из латинской юриспруденции слове *пеня* тоже хранится значение выкупа, денежной единицы, как в русском слове *цена*. Есть в русском языке и слово *пенять*, то есть обвинять, обличать, и оно указывает на то, что человек обязан расплатиться за свою вину.

В чём же состоял, согласно собранным в XIX веке материалам этнографов, русский обряд *каятин* – ритуал обличения преступника? “В особенных случаях собирались миром в общественной избе. Стол накрывался белой скатертью, ставился крест, иконы, чаша со святой водой. Клянущемуся разувает правую ногу, накрывают голову белым полотенцем. В руки дают зажжённую свечу. Он подходит к столу, делает три земных поклона, целует икону и крест, кланяется на три стороны.

– Ты украл деньги? – спрашивает староста. – Кайся, пока не поздно. За ложную клятву тебя Господь покарает на этом и том свете. Грешно лгать пред обществом. Признайся, и мы тебя простим.

– Видит Бог, не я, хоть сейчас поклянусь.

– Клянись, и мы снимем с тебя обвинение.

Обвиняемый становится перед столом на колени, подымает правую руку вверх, держа в ней ком земли, и отчётливо произносит: “Ежели я виноват, то подавиться мне этой землёй”. И начинает есть землю, а народ следит, не давится ли он. После этого со словами: “Ежели я виноват, то захлебнуться мне святой водою”, – он пьёт воду. И, наконец, зажжённой свечой водит по лбу, руке и ноге, говоря: “Ежели я виноват, то захворать мне и сгореть от антонова огня, ежели я виноват, то обезуметь мне, ежели я виноват, пусть ноги отнимутся у меня”.

Потом он встаёт с колен, целует крест и говорит: “Накажи меня, Господь, всеми наказаниями, ежели я виноват, а ежели не виноват, оправь меня как на том, так и на этом свете. Аминь”.

Затем обвиняемый обращается к народу:

– Видели, старики, мою клятву страшную, которую я принял, аль не видели?

– Видели.

– Так ежели видели и считаете, что я теперь оправдался, то снимите с меня позор, смертельное покрывало.

– Просим у тебя прощения за сделанное тебе оскорбление, – произносит староста, снимая с головы оправданного полотенце, и люди отвечивают ему поклон”.

В этом общинном обряде проявляется ритуальный смысл привычных нам слов: *снять позор, снять обвинение*, ибо покрытая полотенцем голова была символическим знаком вины, а снятое с головы полотенце означало снятие вины с обвиняемого в преступлении. В *каятинах* проступает также исконное значение волшебных, с детства знакомых *огня, воды и медных труб*, через которые проходят сказочные персонажи, чтобы обрести счастье в жизни. Испытание водой и огнём, как мы видим, есть призывание Божьего суда через кару водной стихией, когда в *каятинах* человек обещает захлебнуться водой в случае своей вины, он призывает Божий суд через огненную стихию, когда взывает ниспослать ему в случае вины болезнь и безумие. Медные же трубы – это последняя словесная клятва, оглашаемая перед лицом мира и божьим крестом. С прошедшего *каятины* – через огонь, воду и медные трубы – снимались обвинения, человек выходил из обряда чистым, если был невиновен, или *очищенным*, если вдруг признавал на каком-то из этапов *каятин* своё преступление и раскаивался.

При всей простоте и видимой наивности ритуала *каятин*, этот обряд и впрямь был очистительным и оказывал на кающегося разоблачительное воздействие. Ведь в *каятинах* главным стержнем являлась клятва, а клятва – важнейший двигатель человеческих поступков, и вот почему.

Клятва в истоках языка хранит глубинную связь с матерью-землёй. *Клятва, клясться* – слова, однокоренные понятию *кланяться*. Кланяться и клясться – действия сопряжённые, ибо клятва исконно есть прикосновение к Матери-Земле, сопровождаемое естественным – земным поклоном. Именно Матери-Земле славяне-язычники давали свои обеты, они клялись и одновременно кланялись ей, прикасаясь к земле и зарекаясь, если не исполнят обещанного, быть проклятыми, то есть провалиться сквозь землю. *Быть проклятым* – провалиться сквозь землю – на языке древних символов означало смерть. И так возникло проклятие – то есть обещание перед лицом земли смерти проклинаемому.

Благоговение перед клятвой и страх перед проклятием до сих пор сильны в жизни человека. Формула с обещанием неминуемой расплаты “ежели вино-

ват” непременно сбывалась, о чём свидетельствовал многовековой народный опыт. Потому редко кто в ритуале каятин мог устоять и не признаться, если виновен, произнося столь страшные слова, которыми призывал кару Божью на собственную голову. Именно такую покаянную голову, прошедшую каятины и засвидетельствовавшую перед Богом, Матерью-Сырой Землёй, водой и огнём свою виновность или невиновность, меч русской расправы не касался. Признавшегося в преступлении облагали выкупом за него, ценой – расплатой, которая подчас оказывалась весьма накладной. И дело было покончено.

Нет, не зря в нашей генетической памяти и в русском языке стойко и неодолимо существуют представления о народном праве и справедливости. Именно ими руководствовались наши предки в своей жизни, лишь изредка обращаясь к писаным государством законам.

Сегодня всё больше накапливается преступлений против народной справедливости. Рано или поздно в сознании народа пробудятся древние архетипы, диктующие необходимость восстановления Русской Правды. Ведь для нас, следующих в жизни законам родного языка, преступник не тот, кто нарушил статью Уголовного кодекса, а тот, кто переступил границу дозволенного нашими юридическими обычаями.

Современный самосуд – расправа с преступником без обращения к государственным органам – наследует древнюю традицию мирского суда. Расправиться – значит *исполнить приговор*, который выносит преступнику народная совесть согласно народным представлениям о справедливости. Самосуд отличается от обычной мести тем, что при мести расправу над обидчиком осуществляет сама жертва или близкие ей люди, самосуд же может учинить любой человек, стремясь таким образом обеспечить справедливость в своём понимании и предотвратить угрозу интересам общества.

Самосуды были в России всегда. Самосудная расправа с ворами и поджигателями была нормой в российских деревнях. Решение о самосуде принималось, как правило, на сходе домохозяевами тридцати пяти – сорока лет во главе со старостой. Приговор выносился в тайне от властей, чтобы они не помешали расправе. Крестьяне были убеждены в своём праве на самосуд и при таких расправах не считали убийство грехом. Убитого самосудом община хоронила, зачисляя его в список пропавших без вести. Власти пытались расследовать факты самосудов, ставшие им известными, однако все усилия полиции, как правило, были тщетны. Те немногие дела, которые доходили до суда, заканчивались оправдательным приговором, который выносили присяжные из крестьян.

ЧТО ТАКОЕ РУССКАЯ ВЛАСТЬ

Высшая власть в государстве исконно рассматривалась русским народом как единоличная. Один Бог – один и Государь. *“Светится одно солнце на небе, а Царь русский на земле”*. Властитель на Руси должен быть один, он отец народа, его отношение к подданным любящее и строгое, но непременно отцовское, а подданные в государстве суть его дети и, как сыны и дочери, не имеют сомнения в том, что отец вершит власть им во благо. Ведь отец не может не любить своих детей и не заботиться о них.

В истории России эта мечта сбывалась редко. Цари-батюшки, генеральные секретари, президенты оказывались в замкнутой обойме элитарного окружения, которое стремилось не выпускать правителя из своих цепких и алчных лап. Народный ум и это сознавал: *“Кто Царю застит, народ нападит”*. И утешался мыслью, что-де не от царей угнетение, а от любимцев царских, и что не царь гнетёт народ, а временщик. Царистская психология русского народа не смущалась бесчинствами временщиков – ведь царь за всеми не доглядит! Русский народ искони требовал от Царей и вождей своих главного – нравственной и религиозной прочности, называемой по-русски чистотой совести, и на этом строил своё доверие к верховной власти.

Русские архетипы мышления возлагали на царей огромную ответственность за народ и государство перед Господом Богом. *“За царское согрешение Бог всю землю казнит, за угодность – милует”*. *“Коли царь Бога знает, Бог и царя, и народ знает”*. Эта народная мысль глаголет, что вина нечестивого правителя, забывшего Бога, правду и подданных, всегда оборачивается

народными бедствиями, и тогда требуется устранить, свергнуть, лишить власти такого царя. Вот причина Смуты и народных бунтов в правление Бориса Годунова, Лжедмитрия Первого, Василия Шуйского. Одною народная молва обвиняла в убийстве царевича Димитрия, другою – в безбожии и еретичестве, третьею – в предательстве и лживости. Народ, видя нечестие своих государей, страшился последствий царских преступлений – неурожаев, голода, мора, стихийных бедствий, нищеты, – потому и бунтовал, не желая иметь царя-нечестивца, заслужившего Божье наказание своим подданным.

Ближние государевы слуги, именуемые властной элитой, хорошо понимали всю опасность сближения правителя с народом. Властитель-нечестивец вскоре будет обличён мудрой народной прозорливостью, а добрый правитель не дозволит своим приближённым бесчинствовать, ибо слышит “глас народа”. Поэтому идеальная модель русской верховной власти зачастую искажалась при воплощении в жизнь, поскольку властная элита жёстко противодействовала сближению царя и народа.

Ныне же разрыв между властью и народом велик, как никогда. Высшее руководство страны – закрытая и сплочённая организация, живущая по ею самой, а не народом установленному ранжиру. Правящая верхушка находится в фактической изоляции от информационных потоков. Лавину имеющих государственную важность вестей до неё доносят лишь в той мере, которая утешает и радует правителей. Просьбы и мольбы народные верховные правители получают дозированно, от определённых лиц, заинтересованных в отборе и отсеивании людей и новостей при “доступе к телу” правителя и его ближнего круга.

Если обратиться к опыту XVI–XIX веков, видим, что самодержавный царь и его правящая элита позволяли народу общественное самоуправление через мирские сходы и земства. Тем самым осуществлялись справедливое распределение благ и рост народного благосостояния. Затем реформы Александра Второго, ведшего безнравственный образ жизни, попускавшего правящей верхушке наживаться за государственный счёт, положили начало процессу обезземеливания крестьян, разрушению общины, распаду мирского и земского самоуправления. И уже ни Александр III, ни Николай Александрович, получив в наследие далеко зашедший разрушительный процесс, не смогли воспрепятствовать пагубным для русского народа сдвигам, что завершились столыпинской реформой, ставшей экономическим и политическим рычагом революции. В большевистских лозунгах “Земля – крестьянам!” и “Власть – Советам!” сработали те же архетипы русских представлений об истинно справедливом управлении государством. Именно общинное самоуправление позволяло народу жить по собственным законам, а общинное землевладение создавало условия для справедливого распределения благ. Нравственная же чистота царя была, на народный взгляд, надёжной защитой подданных от любого Божьего наказания и напастей. Вот почему революционеры усиленно распускали лживые слухи о безволии Николая Александровича, безнравственности его семьи, бесчинствах близкого царю Григория Распутина. Это был катализатор запущенных ещё в середине XIX века процессов подрыва русской верховной власти и русского народного самоуправления.

Недавняя модель советского государства показала пример успешности правления Генерального секретаря правящей партии при условии его нравственной стойкости, действительной заботы о народном благе. Одновременно выстраивалась советская система справедливого распределения благ – по труду. Работала, хотя и со сбоями, модель советской власти как формы русского самоуправления. Однако эта модель оказалась правящей партийной верхушке КПСС, окружавшей властное кресло единоначальника, неудобной для сохранения собственной прочности во главе страны, и она извратила и умалила советскую систему, тем самым лишив русский народ вольности самоуправления. И усадила в правящее кресло генсека-предателя, что привело к августовской революции 1991 года, результатами которой воспользовались нерусские люди, полностью уничтожившие справедливое распределение народного богатства, народное самоуправление и создавшие особую систему насаждения правителей-марионеток олигархата.